

Фразу «не участвую ни в каких коллективных спортивных мероприятиях» Цзян Хуай бросил еще во втором семестре девятого класса. Вэй Хэпин одно время думал, что это в знак памяти об уехавшем за границу старине Цине: мол, где теперь найдешь такого верного друга и соратника по игре. Но позже Вэй Хэпин понял, что переоценил друга — все объяснялось куда проще. В возрасте около шестнадцати лет у Альф и Омег начинали развиваться железы, вырабатывающие феромоны, а Цзян Хуай просто не хотел чувствовать запахи чужих Альф.

Цзян Хуай задрал подол рубашки и вытер дождевую воду с лица:

— Даже без меня победа у нас в кармане, Чжао Тяньцин — баскетболист-спортсмен. — Он сделал паузу и добавил: — К тому же это просто возня любителей. Выйдем мы в следующий тур или нет — какое мне до этого дело?

— Брат Хуай, а как же твоя коллективная гордость? — спросил Вэй Хэпин.

— Нет её.

— ...Раз нет, зачем ты тогда каждый день приходишь играть в баскетбол?

— На прошлой неделе я прогулял уроки, а Бо Цзянь соврал Линь Фэю, будто мы с ним ходили тренироваться перед матчем, — пояснил Цзян Хуай и запнулся: — И заявил, что я — ключевой игрок сборной.

Вэй Хэпин лишился дара речи.

Цзян Хуай допил оставшееся в жестянке молоко и с гулким грохотом швырнул банку в урну. Забрав с земли складной зонт, он раскрыл его и с совершенно равнодушным видом произнес:

— Возвращайся пока в общежитие, а я схожу в класс.

Темнело быстро.

Из-за недавнего похолодания А-Цай заболела и осталась дома, взяв два дня больничного, поэтому сегодня Цзян Хуаю не нужно было забирать её из начальной школы Минчэн.

С момента окончания уроков прошло уже больше получаса. Коридоры корпуса Сюэли пустовали; горели лишь несколько потолочных светильников, отбрасывая на пол тусклые световые пятна. На весь длинный коридор раздавался только шаг Цзян Хуая.

Цзян Хуай толкнул заднюю дверь класса и обнаружил, что его сосед сзади всё еще здесь.

Бо Цзянь стоял у своей парты и не торопясь собирал вещи.

Повернув голову, он спросил:

— Почему ты вернулся?

— Ты ещё не ушел? — одновременно с ним проговорил Цзян Хуай.

И оба ответили:

— Да, — отозвался Цзян Хуай.

— Не ушел, — сказал Бо Цзянь.

Цзян Хуай вытащил из стола рюкзак, и сосед сзади тихо усмехнулся:

— А я уж подумал, ты сегодня решишь не брать портфель домой.

Свет в классе был выключен, шторы раздвинуты. На улице стемнело, и в помещении царил полумрак.

Цзян Хуай наклонился, разыскивая учебники, и Бо Цзянь заметил, что его рубашка практически промокла. Конец сентября, к тому же дождь — на улице стоял ощутимый холодок. Мокрая ткань плотно липла к телу, так что отчетливо проступали тонкие позвонки на спине.

— Ты не брал зонт? — спросил Бо Цзянь.

— Брал, — не поворачиваясь, ответил сосед спереди.

— Холодно?

— Нет.

— Включить свет?

Цзян Хуай наконец помедлил. Но вовсе не из-за вопроса Бо Цзяня — просто в полумраке он не мог разглядеть, какую тетрадь вытащил: по биологии или по химии.

На самом деле Цзян Хуай не делал домашнюю работу, но каждый раз перед уходом пихал в рюкзак парочку книг, потому что пустой рюкзак выглядел некрасиво.

— Включай, — сказал Цзян Хуай.

Раздался щелчок. Загорелась последняя лампа у задней стены.

Вспыхнувший свет четко очертил силуэты.

Бо Цзянь заметил бледную мочку уха парня. Его волосы тоже намокли.

— Ты выходил под дождь? — спросил Бо Цзянь.

Цзян Хуай повернул голову и, прищурившись, взглянул на него:

— А вы разве не наврали Линь Фэю, что на следующей неделе я играю в баскетбол?

— Ты ходил играть?

— Ну да, — ответил Цзян Хуай.

Бо Цзяня и Цзян Хуая разделяла всего одна парта. Председатель смотрел на парня. Летняя форма во Второй школе представляла собой тонкую белую рубашку. Многие — а вернее, большинство девушек и Омег — поддевали под неё футболку или майку.

Однако Цзян Хуай, похоже, вовсе не осознавал себя Омегой.

Пока одежда сухая — ничего страшного, но когда промокла... всё становилось довольно скверно.

Бо Цзянь опустил ресницы:

— Значит, на следующей неделе ты всё-таки участвуешь в турнире?

Цзян Хуай ничего не ответил. Повернувшись боком, он прикинул на вес три-четыре выбранные книги и разом затолкал их в рюкзак.

Длинные тонкие пальцы Бо Цзяня слегка постукивали по столешнице.

Чуть приподняв взгляд, он спросил очень тихо:

— Тогда ты решил... одолжишь у меня феромоны?

Цзян Хуай повернулся к нему.

Бо Цзянь смотрел прямо на него с предельно вежливым и благовоспитанным выражением лица, по которому невозможно было разгадать его истинные мысли.

Цзян Хуай отвернулся:

— Не нужно.

— И тебя не смущает, если кто-то заметит, что от тебя совсем не пахнет феромонами? — поинтересовался Бо Цзянь.

Цзян Хуай накинул рюкзак на плечо и наконец встал лицом к Бо Цзяню:

— Председатель, как по-твоему, что я выберу: если обнаружится, что у меня нет феромонов, или если от меня будет пахнуть твоими феромонами?

Бо Цзянь тихо усмехнулся:

— Но кроме тебя никто и никогда не чувствовал моих феромонов.

Цзян Хуай нахмурился.

— Для Альфы в подростковом возрасте случайно позволить кому-то почувствовать свои феромоны — дело простительное, но всё же не совсем вежливое, — произнес Бо Цзянь.

— Это ты сейчас о себе? — перебил Цзян Хуай.

Выражение лица Бо Цзяня оставалось неизменным, он продолжал неторопливо развивать мысль:

— Поэтому я стараюсь избегать близких контактов с одноклассниками. — Он мельком взглянул на Цзян Хуая: — Однако в те несколько раз, когда ты почувствовал мои феромоны, инициатива исходила от тебя. Это попадает в категорию «неудачной попытки избежать контакта».

— ...

— Раз уж попытка провалилась, — проговорил Бо Цзянь, — продолжать дальше уже не так важно. Помогая тебе, я помогаю и самому себе. — Он посмотрел сверху вниз на Цзян Хуая. Его школьная куртка была застегнута безупречно аккуратно, от отложного воротника до нижней кромки, однако во взгляде читалось легкое равнодушие. — Хороший ученик не может раз за разом попадать в учительскую из-за вранья.

И добавил:

— Мне будет стыдно.

Раньше, когда Цзян Хуай не знал Бо Цзяня лично, тот казался ему эталоном доброты и благородства, сияющим образцом совершенства, всесторонне развитым красавчиком с незыблемым баффом святости.

А теперь посмотрел — херня всё это собачья.

Цзян Хуай усмехнулся:

— Да ну? Что-то незаметно.

— Я просто сдержанный человек, — ответил Бо Цзянь.

— ...

Пальцы Бо Цзяня зацепили бегунок молнии:

— Хочешь попробовать?

— Что попробовать?

— Одолжить мои феромоны.

Цзян Хуай нахмурился:

— Надеть твою куртку?

Бо Цзянь расстегнул ветровку, подцепил её пальцем и протянул ему.

Цзян Хуай не стал брать:

— Я мокрый.

— Я знаю, — отозвался Бо Цзянь.

Уже почти стемнело, и сквозь заднюю дверь задувал прохладный ветер. Становилось зябко, особенно в промокнувшей под дождем одежде. Цзян Хуай подошел и прикрыл дверь, после чего взял у Бо Цзяня куртку.

Ткань хранила неостывшее тепло чужого тела. Цзян Хуай опустил голову и принялся.

Запах напоминал листики мяты, засыпанные свежим снегом. Очень легкий.

Бо Цзянь опустил веки, наблюдая за тем, как Цзян Хуай вдыхает запах его куртки.

Осознание собственного Омега-статуса у Цзян Хуая было настолько слабым... Каждая просьба, на которую соглашался Цзян Хуай, для любого другого человека показалась бы дикостью. Казалось, за прошедшие десять с лишним лет Цзян Хуай вообще не получил тех наставлений и воспитания, которые полагались Омеге.

Ни один Омега не примет феромоны Альфы, если тот не является его возлюбленным.

И Бо Цзянь низко этим воспользовался.

Цзян Хуай надел куртку Бо Цзяня.

Подбородок Цзян Хуая напрягся, и он несколько секунд молчал. Феромоны Бо Цзяня отдавали прохладой, однако сама куртка была теплой. Замерзшая на улице кожа Цзян Хуая не могла проигнорировать тот факт, что это тепло исходило от другого человека. От Бо Цзяня. И феромоны тоже принадлежали другому — Бо Цзяню.

Ужасно неприятное ощущение.

За исключением того, что он не касался самого Бо Цзяня, это ничем не отличалось от объятий.

Цзян Хуай хмурился всё сильнее.

Но Бо Цзянь словно прочитал его мысли и тихо спросил:

— Хочешь попробовать обняться?

Цзян Хуай поднял глаза.

— Концентрация феромонов не будет слишком высокой, ты сможешь выдержать, — спокойно произнес Бо Цзянь. — Это гораздо эффективнее, чем просто одолжить одежду.

Цзян Хуай пристально посмотрел на него. Бо Цзянь говорил с совершенно невозмутимым видом, будто решал рабочий вопрос:

— Когда я почувствую на тебе свои феромоны, я тебе скажу.

Цзян Хуаю припомнилась диффузия газовых молекул.

Он холодно усмехнулся:

— Хочешь сказать, на следующей неделе во время баскетбола мне придется каждые несколько минут выбегать с площадки, чтобы обнять тебя?

— Есть способы удобнее и куда эффективнее, — Бо Цзянь опустил взгляд и сделал небольшую паузу. — Но они не совсем уместны.

Цзян Хуай помрачнел. Он не был идиотом и отлично понимал, о чем речь. Поцелуи, метка на затылке, постель... Всё это было намного эффективнее.

Поцелуи и постель даже не обсуждались, а метка на затылке...

На самом деле, когда Альфа оставляет свои феромоны на Омеге, это само по себе уже является меткой.

Разница лишь в том, что метка на затылке ставится непосредственно на железу.

Цзян Хуай прищурился, глядя на Бо Цзяня.

Бо Цзянь молчал.

Цзян Хуай никогда не считал, что укус в шею — это что-то особенное: подумаешь, останется

след от зубов, и только. Просто ему не нравились феромоны Альф и совсем не нравилось, когда кто-то оставлял свой запах на его теле.

<http://bllate.org/book/18377/1766521>